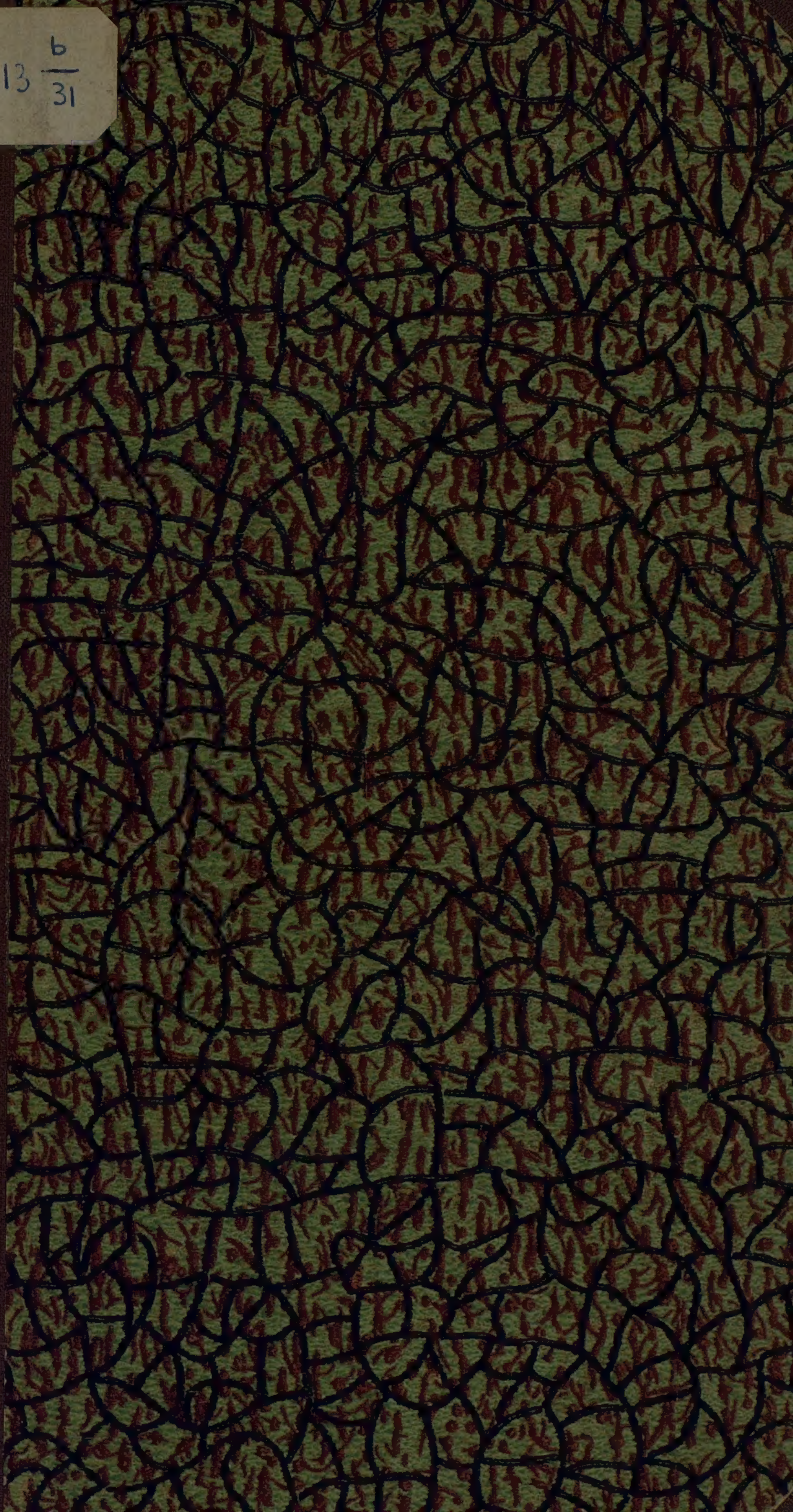
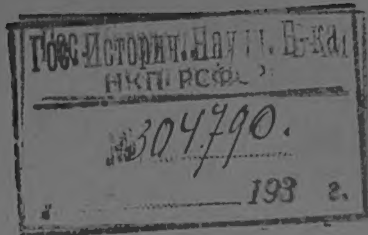

РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ

о

ПОЖАРѢ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

въ 1837-мъ году.

I.

Переводъ отрывка изъ Записокъ графа А. Х. Бенкендорфа за 1837-й годъ.

17-го декабря, въ 8 часовъ вечера, мнѣ дали знать, что загорѣлся зимній дворецъ. Я поспѣшилъ туда, хотя, зная, что въ немъ уже издавна приняты всѣ возможныя мѣры предосторожности противъ огня, не подозрѣвалъ никакой серьозной опасности. Вверху лѣстницы государевой половины дымный запахъ привелъ меня прямо въ Фельдмаршальскую залу. Тутъ оберъ-полиціймейстеръ и придворная прислуга доискивались, откуда выхо-

дитъ дымъ, ежеминутно увеличивавшійся. Прибѣжалъ князь Волконскій (министръ императорскаго двора), а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Государь изъ театра, гдѣ былъ съ Императрицею. Послали на чердакъ; но тамъ уже скопился такой густой дымъ, что нельзя было ни дышать ни доискаться источника огня. Тогда принялись ломать потолокъ залы, и огонь вдругъ показался изъ подъ карниза. При видѣ опасности, Государь поспѣшилъ къ своимъ дѣтямъ, уже спавшимъ, и, разбудивъ ихъ, велѣлъ отвезти въ Аничкинъ дворецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдалъ приказаніе, чтобы сейчасъ пришелъ въ зимній дворецъ занимающій казармы возлѣ него 1-й батальонъ преображенскаго полка; чтобы павловскій полкъ былъ также готовъ явиться по востребованію, и чтобы послали въ театръ просить Императрицу ѣхать оттуда не въ зимній дворецъ, а въ Аничкинъ, гдѣ она найдетъ и дѣтей. Послѣ этого мы съ нимъ вернулись въ Фельдмаршальскую залу.....

(Здѣсь Записки графа Бенкендорфа прерываются).

II.

Переводъ французскаго письма генералъ-адъютанта графа А. Ѳ. Орлова (впослѣдствіи князя и предсѣдателя государственнаго совѣта) изъ С.-Петербурга, отъ 24-го декабря 1837-го года, къ нашему послу при Вѣнскомъ дворѣ, Д. П. Татищеву.

. . . . . Истекающій годъ простился съ нами самымъ грустнымъ образомъ. Въ ночь на $^{18}/_{30}$-е декабря сгорѣлъ, въ нашихъ глазахъ, дворецъ государевъ, этотъ зимній дворецъ, видѣвшій, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, дворъ нашъ во всей его пышности, царственный домъ во всемъ его блескѣ и Россію во всемъ ея величіи.

Зная вашу глубокую преданность Государю и отечеству, легко могу себѣ представить, какое впечатлѣніе произведетъ на васъ это печальное извѣстіе. Не стану распространяться о мѣрахъ, которыя, можетъ быть, слѣдовало принять для предупрежденія подобнаго несчастія, по-

ка было къ тому время. Увѣряютъ, что еще за двое сутокъ до катастрофы сильно запахло дымомъ, и что отъ оставшейся незамѣченною трещины въ трубѣ начали тлѣть стѣны за долго до появленія перваго пламени. Этимъ однимъ можно объяснить причину, почему все вспыхнуло вдругъ съ такою неимовѣрною силою. Такъ ли или иначе, только теперь, когда несчастіе уже совершилось, нечего болѣе допытываться о его происхожденіи. Спѣшу только заявить вамъ, что если Провидѣніе поразило насъ здѣсь своимъ ударомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ подало намъ и большое утѣшеніе. При этомъ бѣдственномъ событіи, Государь нашъ снова явился такимъ, какимъ я всегда видѣлъ его во всѣхъ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, исполненнымъ твердости и истиннаго величія души, такимъ же, какимъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, 14-го декабря, онъ былъ на площади передъ Сенатомъ. По истинѣ, не въ дни счастія или какихъ нибудь торжествъ, а въ минуты испытанія открывается, какъ велика наша Россія. Представьте себѣ дворецъ въ огнѣ, все петербургское населеніе столпившееся на огромныхъ площадяхъ Иса-

кіевской и Адмиралтейской, двадцать тысячь человѣкъ старой гвардіи въ борьбѣ съ такимъ пожаромъ, которому никогда не бывало подобнаго и, не смотря на то, вездѣ стройный порядокъ, общая безопасность и полное спокойствіе. А отъ чего? Отъ того, что всѣ глаза были устремлены на Государя, отъ того, что къ нему одному всѣ исполнены безпредѣльнымъ довѣріемъ. Онъ былъ, можно сказать, повсюду, самъ всѣмъ руководя и направляя помощь туда, гдѣ еще возможно было сопротивленіе огню. Вниманіе его, разумѣется, преимущественно обращалъ на себя эрмитажъ, котораго потеря была бы для насъ истиннымъ народнымъ трауромъ. Единственно распоряженіямъ Государя мы обязаны спасеніемъ этого драгоцѣннаго наслѣдія его предковъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ оспаривалъ у огня то, что̀ мы съ гордостію считаемъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ Россіи, одною изъ народныхъ нашихъ славъ. Эрмитажъ былъ спасенъ. Но на всемъ остальномъ пространствѣ дворца огонь подвигался впередъ съ всесокрушавшею быстротою. Фельдмаршальская зала сгорѣла до тла, залы Бѣлая и

Георгіевская обрушились. Государь вездѣ, гдѣ только грозила опасность, являлся первымъ и удалялся только тогда, когда уже не было возможности противустоять разсвирѣпѣвшей стихіи. Одну минуту я видѣлъ его глубоко растроганнымъ. Это было въ большой дворцовой церкви — свидѣтельницѣ столькихъ торжественныхъ событій въ его жизни, его бракосочетанія, вступленія въ совершеннолѣтіе его сына. Посреди этихъ великихъ воспоминаній сердце его почерпало, казалось, новую увѣренность въ томъ, что Промыслъ Божій осѣняетъ Россію. Въ ту торжественную минуту, когда, видя неизбѣжную погибель величественнаго храма, онъ приказалъ снять съ его стѣнъ образа, всѣ находившіеся тутъ были тронуты до глубины души благоговѣйнымъ смиреніемъ, выражавшимся во всѣхъ чертахъ нашего Монарха.

Около 11-ти часовъ ночи опасность стала принимать самые ужасавшіе размѣры. Тогда я счелъ обязанностію доложить Государю, не нужно-ли вынести бумаги изъ его кабинета, къ которому огонь приближался со всѣхъ сторонъ. «У меня нѣтъ тамъ никакихъ бумагъ» —

отвѣчалъ онъ съ дивнымъ хладнокровіемъ: «я оканчиваю свою работу изо дня въ день, и всѣ мои рѣшенія и повелѣнія тогда же передаю министрамъ. Изъ кабинета остается взять всего только три портфеля, въ которыхъ собраны дорогія моему сердцу воспоминанія». Вотъ, любезный другъ, какъ нашъ Царь понимаетъ свой монаршій долгъ; вотъ какъ онъ правитъ своею необъятною имперіею: ничто не откладывается отъ одного дня на другой, ничто не падаетъ въ забвеніе, и вотъ какимъ образомъ воля одного, бодрствуя надъ судьбами пятидесяти милліоновъ, обезпечиваетъ ихъ благо.

Въ часъ по полуночи Государь употребилъ еще послѣднее усиліе для спасенія половины Императрицы. Онъ предполагалъ для этого пересѣчь крышу и заложить кирпичемъ тѣ двери, которыя вели изъ сказанной половины въ остальную часть дворца, уже объятую пламенемъ. По его приказанію, я влѣзъ на верхъ, чтобъ удостовѣриться, въ какой мѣрѣ можно раскрыть крышу. На ней распоряжался генералъ Ушаковъ съ батальономъ семеновскаго полка, въ самомъ

опасномъ положеніи ([1]). Очевидно было, что съ каждымъ мгновеніемъ оно можетъ

([1]) *Замѣтка графа В. Ѳ. Адлерберга* (нынѣ министра императорскаго двора). „Это не совсѣмъ вѣрно. Когда горѣла уже аванъ-зала и огонь проникалъ въ Бѣлую (нынѣ Николаевскую), то Государь приказалъ мнѣ подняться съ батальономъ семеновскаго полка на чердакъ Бѣлой залы и тамъ, разрубивъ стропила и балки, вывести кирпичную стѣну, чтобъ воспрепятствовать огню распространиться къ Концертной залѣ и половинѣ императрицы. Для сообщенія съ чердакомъ была, необъятая еще пламенемъ, одна только лѣстница (отъ верхняго этажа — деревянная). Вошедъ по ней въ головѣ батальона, я нашелъ чердакъ уже наполненный густымъ дымомъ и, не доходя до поворота надъ выступомъ, гдѣ половина императрицы, былъ встрѣченъ бѣжавшимъ унтеръ-офицеромъ пожарной команды, который объявилъ мнѣ, что невозможно безъ явной опасности идти на чердакъ надъ Бѣлой залой, потому что вся крыша съ этой стороны уже горитъ, и потолокъ залы долженъ непремѣнно мгновенно обрушиться. Пославъ донести о томъ Государю, самъ я пошелъ въ другомъ направленіи по покрытой гололедицею крышѣ, чтобы удостовѣриться, нель-

сдѣлаться совершенно отчаяннымъ, и потому я поспѣшилъ донести Государю, что приведеніе его мысли въ исполненіе грозитъ погибелью множеству людей, безъ вѣроятной надежды остановить огонь, раздуваемый порывистымъ вѣтромъ. Въ виду этихъ неодолимыхъ трудностей сердце его не могло колебаться: онъ въ ту же минуту приказалъ прекратить всѣ работы, а батальонъ съ крыши и все остальное войско, занятое еще спасеніемъ и выноскою цѣнныхъ вещей, немедленно собрать и вывести изъ горящихъ стѣнъ дворца. Сборъ людей былъ произведенъ въ величайшемъ порядкѣ, и едва вѣрилось тому спокойствію и той тишинѣ и снаровкѣ, съ которыми массы старыхъ солдатъ выпутывались изъ этого лабиринта гал-

---

зя ли исполнить полученное мною приказаніе по крайней мѣрѣ между Концертною залою и комнатами Малахитовою и Арапскою. Дойдя съ величайшимъ трудомъ до угла, образуемаго внутренними во дворѣ фасадами дворца, я увидѣлъ, что и телеграфъ уже объятъ пламенемъ. Въ эту минуту настигъ меня графъ Орловъ съ приказаніемъ Государя оставить предпріятіе и воротиться съ батальономъ внизъ“.

лерей, переходовъ и залъ, гдѣ всѣхъ ихъ ожидала вѣрная могила, еслибъ предусмотрительность ихъ повелителя не положила конецъ борьбѣ, становившейся уже напрасною.

Около трехъ часовъ утра Государь и самъ оставилъ дворецъ, чтобы снова перейти въ эрмитажъ. Видя, какое спокойствіе духа онъ сохраняетъ среди такого страшнаго бѣдствія, я не могъ удержаться отъ сравненія этого случая съ другимъ, совершившимся за два года передъ тѣмъ, почти на томъ-же самомъ мѣстѣ, именно съ пожаромъ, обратившимъ въ пепелъ деревянный балаганъ, выстроенный на Адмиралтейской площади для масляничныхъ представленій. Тогда около сотни людей погибло въ огнѣ, и Государь немедленно поспѣшилъ на мѣсто происшествія, для утѣшенія несчастныхъ, извлеченныхъ живыми изъ дымящихся развалинъ, и для поданія имъ возможной помощи. Стоя, въ глубокой печали, возлѣ остатковъ балагана, онъ, какъ бы самъ понесъ горькую утрату, душою сочувствовалъ осиротѣвшимъ семействамъ, которыя окружали его въ рыданіяхъ. Теперь, напротивъ, передъ дворцомъ

своимъ, сдѣлавшимся жертвою пламени, Государь былъ вполнѣ владыкою своихъ чувствъ и нисколько не казался встревоженнымъ. Онъ потерялъ, правда, свое жилище, но по крайней мѣрѣ ни одно бѣдное семейство не пострадало отъ этой потери. Та-же самая мысль и то-же самое чувство господствовали и въ сердцахъ всѣхъ членовъ Августѣйшаго его дома. Императрица думала только о томъ, какъ бы охранить отъ опасности тѣхъ изъ жившихъ во дворцѣ, которыхъ лѣта и недуги могли бы въ немъ задержать и лишить, въ общемъ замѣшательствѣ, нужной помощи. Она успокоилась лишь тогда, когда убѣдилась, что всѣ спасены, и что никто не забытъ въ этихъ огромныхъ чертогахъ, въ которыхъ три царствованія такъ радушно призрѣвали подъ своимъ кровомъ старыхъ слугъ и честную бѣдность, словомъ, въ которыхъ три тысячи человѣкъ имѣли себѣ пріютъ. Великая Княжна Марія Николаевна показала такое же благодушіе. «Мнѣ, разумѣется, жаль этаго прекраснаго дворца — говорила она— но еще болѣе было-бы жаль, если бъ сгорѣло жилище какого-нибудь бѣдняка». Подобными же чувствами, ко-

нечно, руководился и Наслѣдникъ Цесаревичъ, когда, при вѣсти, что въ тоже самое время вспыхнулъ другой пожаръ на Васильевскомъ острову, онъ покинулъ зимній дворецъ въ огнѣ и, поспѣшивъ на это новое пожарище, успѣлъ его остановить.

Вотъ, любезный Дмитрій Павловичь, какова была наша императорская семья въ эту тяжкую, но торжественную ночь, воспоминаніе о которой никогда не изгладится изъ памяти ея свидѣтелей. Для довершенія моей картины мнѣ остается еще прибавить нѣсколько словъ о поведеніи, при этомъ грозномъ зрѣлищѣ, петербургскаго населенія. Вы знаете, что я не щедръ на похвалы народнымъ увлеченіямъ и манифестаціямъ; но въ описываемомъ теперь случаѣ не могу не отдать полной дани уваженія тому народному чувству, которое выразилось въ массахъ при видѣ пылающихъ царскихъ чертоговъ. Это чувство было глубоко, единодушно, и высказалось со всею тою силою и живостію, присутствіе которыхъ въ нашемъ простонародьи вамъ не безъизвѣстно. Я могъ бы привести тому тысячу доказательствъ и разсказать тысячу слу-

чаевъ, заслуживающихъ особаго упоминанія: довольно будетъ и нѣсколькихъ примѣровъ. «За чѣмъ—говорили одни— не пустятъ насъ гасить дворецъ нашего батюшки: мы бы всѣ туда бросились и, вмѣсто лѣстницъ, чтобъ лѣзть на стѣны, подставили бы наши плечи».—«Дворецъ сгорѣлъ—переговаривались между собою другіе:— что жъ дѣлать! Божія воля; но только бы позволилъ Государь, такъ мы выстроимъ ему три такихъ же». Вотъ наша Россія: какая страна, какой народъ!

Отъ послѣднихъ трехъ мѣсяцовъ, въ теченіе которыхъ я сопровождалъ Государя въ поѣздкѣ по значительной части его державы, съ сѣвера къ югу, у меня накопился богатый запасъ воспоминаній. Въ Вознесенскѣ я видѣлъ его во главѣ пятидесяти тысячь человѣкъ превосходнѣйшей въ мірѣ кавалеріи. У береговъ Абхазіи я плавалъ съ нимъ на суднѣ, едва устоявшемъ противъ всѣмъ извѣстныхъ ужасовъ Черноморской бури. На крайнемъ предѣлѣ его имперіи, между Турціею и Персіею, я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ съ безстрашіемъ довѣрился конвою изъ Лезгинъ и Горцевъ, будто бы старой своей гвардіи. Въ Гумрахъ,

въ Эривани, я слышалъ слова мира и благоволенія, обращенныя имъ къ посланникамъ Султана и Шаха, прежнихъ его враговъ, а теперь союзниковъ и друзей. Но нигдѣ, увѣряю васъ, императоръ Николай не являлся мнѣ въ такомъ величіи какъ въ эту роковую ночь, когда онъ имѣлъ силу духа сказать себѣ, что власть человѣка, сколько бы она ни была неизмѣрима, не можетъ бороться противъ всемогущества Божія; въ эту ночь, когда онъ оставилъ дворецъ своихъ предковъ безъ жалобъ и ропота, съ полною твердостію и христіанскимъ смиреніемъ, какъ бы слѣдуя примѣру своего незабвеннаго брата Александра I-го и почерпая въ его исторіи увѣренность, что всякое новое испытаніе, ниспосылаемое Промысломъ на Россію, только еще болѣе ее возвеличиваетъ и укрѣпляетъ. Съ помощью Божіею, дворецъ столицы Петра Великаго вскорѣ снова возстанетъ изъ пепла, какъ, послѣ пожарища 1812-го года, возстали, краше прежняго, Кремлевскіе чертоги древней нашей Москвы. На первыя работы для его возобновленія уже ассигнованы нужныя суммы, и государство не будетъ отягощено по этому

случаю никакими налогами сверхъ существующихъ его доходовъ. Министръ финансовъ, какъ бы предваряя общее желаніе народа, первый предложилъ всѣ нужныя для этого суммы, и такимъ образомъ мы неожиданно нашли у самихъ себя средства на предметъ, который, въ другихъ краяхъ, потребовалъ бы издержекъ чрезвычайныхъ и особенныхъ финансовыхъ мѣръ. Будучи свидѣтелемъ происходящаго вокругъ насъ, приходишь къ убѣжденію, что для Россіи нужны, какъ кажется, именно уроки бѣдствій и дни печали, чтобъ узнать и оцѣнить всю кроющуюся въ ней энергію и внутреннюю силу. И сколько бы иностранцы ни старались наблюдать и изучать эту великую страну, имъ никогда не удастся ее постигнуть: отъ того, что они не знаютъ, къ чему способенъ народъ, полагающійся во всемъ безусловно на своего Монарха, въ увѣренности, что никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ не будетъ имъ оставленъ.

Сообщаю вамъ эти размышленія, любезный другъ, не въ видѣ какой либо для васъ новости, а единственно въ увѣренности, что ваше сердце обрадуется,

узнавъ, что у насъ все еще продолжаютъ и, дастъ Богъ, никогда и не перестанутъ думать и чувствовать по прежнему.

III.

Извлеченіе изъ современныхъ донесеній Государю Императору государственнаго секретаря барона Корфа.

17-го Декабря (1837-го) вечеромъ, при первомъ извѣстіи о происшедшемъ въ зимнемъ дворцѣ пожарѣ, прибывъ на мѣсто и видя, что сильный вѣтеръ дуетъ по направленію къ эрмитажу, въ которомъ помѣщается Государственный Совѣтъ, я пошелъ въ занимаемыя имъ комнаты, откуда, подъ личнымъ моимъ надзоромъ, съ помощью прибывшихъ чиновниковъ Государственной Канцеляріи и вытребованной команды, всѣ текущія дѣла, книги и пр. были немедленно перенесены въ квартиры чиновниковъ, находящіяся за Мойкою. Пока мы распоряжались этимъ, мнѣ дали знать, что пламя, вопреки всякаго чаянія, распространяется противъ вѣтра, къ сторонѣ дворца, обращенной къ Адмиралтейству и грозитъ опасностію архиву Государствен-

наго Совѣта, этому драгоцѣнному собранію историческихъ актовъ и документовъ, начиная съ 1768-го года, помѣщающемуся (въ то время) на большомъ дворѣ, надъ самою главною гауптвахтою. Между тѣмъ пробраться туда, черезъ военную цѣпь и за дѣйствовавшею по всѣмъ направленіямъ пожарною командою, уже не было никакой возможности. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, мнѣ оставалось основать надежду спасенія этихъ сокровищъ на распорядительности хранителя архива, помощника статсъ-секретаря Леонтьева, и смотрителя сторожевской команды государственной канцеляріи Вицковскаго, отправившихся туда въ самомъ началѣ пожара съ частью этой команды. Дѣйствительно, ревностныя ихъ усилія и самоотверженіе спасли нашъ драгоцѣнный архивъ въ полномъ составѣ. Не смотря на то, что пламя свирѣпствовало еще только на противолежащей сторонѣ, Леонтьевъ выпросилъ у военнаго начальства команду гвардейскихъ солдатъ и, при помощи ихъ, съ 12-го часа ночи до 4-хъ часовъ утра, когда огонь уже запылалъ и надъ архивомъ, успѣлъ перенести на дворцовую

площадь противъ Салтыковскаго подъѣзда все, что̀ хранилось въ 69-ти большихъ шкафахъ. Наконецъ, когда дворцовое зданіе загорѣлось и со стороны этого подъѣзда, и когда оттуда начали падать горящія балки, отъ которыхъ легко могли загорѣться бумаги, Леонтьевъ всѣ ихъ, съ помощью данной плацъ-маіоромъ другой команды, перенесъ къ 8-ми часамъ утра, на Адмиралтейскую гаупвахту, гдѣ все и было въ цѣлости сложено(²). Шкафы же, столы и прочая мебель, за неимѣніемъ времени ихъ вынести, остались въ прежнемъ помѣщеніи, которое, хотя и не сгорѣло, потому что было подъ сводами, но было все засыпано штукатуркою, обвалившеюся съ растрескавшихся отъ жары стѣнъ и потолковъ.

Леонтьевъ, проведя всю ночь, при немолодыхъ уже лѣтахъ, то на снѣгу, то подъ раскаленными сводами, опасно занемогъ. Вицковскій же и всѣ люди сторожевской команды остались невредимы.

(²) Архивъ этотъ 18-го же числа былъ свезенъ, на подводахъ, въ нанятый для него временно частный домъ.

IV.

Извлеченіе изъ записки отставнаго генералъ-маіора Л. М. Барановича.

(Л. М. Барановичъ, бывшій долгое время строевымъ офицеромъ, находился послѣ въ числѣ инженеровъ, назначенныхъ къ производству работъ по возобновленію зимняго дворца и за тѣмъ состоялъ, до 1845-го года, маіоромъ отъ воротъ. По увольненіи въ отставку, онъ, въ 1857-мъ году, поднесъ Государю Императору подробную записку о тѣхъ событіяхъ, которыхъ былъ отчасти свидѣтелемъ и участникомъ, обнимающую не только пожаръ 1837-го года, но и всю исторію возобновленія дворца. Въ настоящемъ извлеченіи передаются главные факты изъ этой записки, касающіеся собственно пожара, съ значительными сокращеніями и перемѣнами въ редакціи, но съ удержаніемъ всего, что̀ есть въ разсказѣ г. Барановича существеннаго и характеристическаго).

17-го Декабря 1837-го года шла на большомъ театрѣ опера съ балетомъ „Баядерка“ (Le Dieu et la Bayadère), и въ танцахъ участвовала знаменитая Тальони. Государь, не за долго передъ тѣмъ возвратившійся въ Петербургъ изъ

продолжительной поѣздки, присутствовалъ при представленіи со всѣми членами своей семьи, и глаза публики были устремлены преимущественно на царскую ложу. Вдругъ Государь удалился, вслѣдъ за нимъ исчезли изъ креселъ многія лица, и театръ, наполненный въ этотъ вечеръ еще болѣе обыкновеннаго, постепенно совсѣмъ почти опустѣлъ. Быстро разнеслась молва что — горитъ зимній дворецъ!

Извѣстно, что это огромное зданіе, заложенное еще при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, было окончено постройкою въ 1762-мъ году. Въ то время менѣе нынѣшняго заботились о предохранительныхъ мѣрахъ отъ огня, и во дворцѣ, хотя и существовали по нѣкоторымъ капитальнымъ стѣнамъ брантмауеры, но сквозные, сдѣланные арками; а потолочное и кровельное устройство, все деревянное, сложной конструкціи, состояло изъ тѣсно связанныхъ стропилъ, балокъ и перекидныхъ мостовъ, представлявшихъ обильную пищу огню. Онъ показался сначала, въ 8 часовъ вечера, изъ отдушника, проведеннаго отъ дымовой трубы между хорами и деревян-

нымъ сводомъ залы Петра Великаго и оставленнаго, при перестройкѣ Фельдмаршальской залы въ двухъ-этажную, незадѣланнымъ. Эта дымовая труба прилегала весьма близко къ деревянной перегородкѣ, и огонь, пробравшись по ней до стропилъ, тѣсно связанныхъ съ потолочною системою, мгновенно охватилъ массу, изсушенную семидесяти-пятью годами, а за тѣмъ, по мѣрѣ обрушенія потолковъ и стропилъ на паркеты, съ яростію сталъ прокладывать себѣ дальнѣйшій путь (3).

Но еще прежде распространенія огня, министръ императорскаго двора князь Волконскій, при появленіи въ Фельдмаршальской и Петровской залахъ дыма, поспѣшилъ донести о томъ Государю, который тотчасъ и уѣхалъ изъ театра, не предваривъ впрочемъ о полученномъ извѣстіи находившихся съ нимъ въ ложѣ. Первымъ движеніемъ Государя, по прі-

(3) Такъ было открыто дознаніемъ особой коммиссія, составленной изъ генералъ-адъютантовъ графа Бенкендорфа, Клейнмихеля и Мартынова, генералъ-лейтенанта Захаржевскаго и архитекторовъ Штауберта и Стасова.

ѣздѣ во дворецъ, было поспѣшить на половину младшихъ Великихъ Князей, которые уже были въ постели, и осѣня ихъ отцовскимъ благословеніемъ, приказать немедленно перевезти въ Аничковскій дворецъ. Успокоясь такимъ образомъ на счетъ дѣтей, онъ, въ сопровожденіи Волконскаго, прошелъ ротонду, Концертную залу и большую аванъ-залу (нынѣ Николаевскую); но, вступивъ въ малую аванзалу, былъ уже встрѣченъ стремительнымъ потокомъ огня, проникшимъ въ нее сквозь потолокъ. Не смотря на явную опасность, Государь съ хладнокровнымъ спокойствіемъ пошелъ отсюда черезъ Фельдмаршальскую и Петровскую залы, первыя добычи огня, и наконецъ вступилъ въ Бѣлую (гербовую). Здѣсь, казалось, уже не было возможности идти далѣе: густо клубящій дымъ занималъ дыханіе, а карнизы и потолки, по которымъ вилось пламя, грозили всякую минуту паденіемъ; но и въ этомъ критическомъ положеніи Государь не потерялъ присутствія духа: съ помощью Божіею онъ успѣлъ благополучно миновать опаснѣйшія мѣста и вошелъ въ Статсъ-дамскую (гренадерскую) залу, дивя и пугая своею от-

важностію спутника своего, министра двора, а также дворцовыхъ слугъ и сторожей, которымъ по пути приказывалъ слѣдовать за собою, изъ опасенія явной гибели отъ обрушенія потолковъ и кровель. Достигнувъ такимъ образомъ части дворца, еще нетронутой огнемъ, и убѣдясь въ возможности спасти изъ нея по крайней мѣрѣ движимость особенной цѣнности, Государь велѣлъ полкамъ преображенскому и павловскому и командамъ гофъ-интендантскаго вѣдомства выносить мебель и прочія вещи и складывать на дворцовой площади; а болѣе громоздкіе предметы, статуи, вдѣланныя въ стѣны украшенія и пр., чтобы не подвергать людей опасности, оставлять на жертву пламени. Толпы солдатъ со всѣмъ жаромъ преданнаго усердія бросились въ горящее зданіе и, разсыпавшись по разнымъ направленіямъ, съ пренебреженіемъ жизни исторгали изъ огня, какъ-бы желая показать, что они сильнѣе его, все что только было возможно; потомъ, сложивъ вынесенное вокругъ Александровской колоны и въ зданіе Адмиралтейства, они снова торопились на помощь прочимъ и такимъ образомъ появлялись и

исчезали съ необыкновенною быстротою. Рвеніе ихъ приходилось скорѣе умѣрять, нежели поощрять, и результатомъ вышло, что все, отъ драгоцѣннѣйшаго имущества царскаго до самыхъ маловажныхъ предметовъ въ комнатахъ императрицы и даже дворцовой прислуги, вполнѣ было сохранено, и ничто не утратилось. Съ величайшимъ благоговѣніемъ были также вынесены изъ обѣихъ дворцовыхъ церквей, когда и ихъ прикоснулась пожирающая стихія, церковная утварь и всѣ образа. Тутъ, осѣняя себя знаменіемъ креста, смѣлыя дружины, съ кликомъ „съ нами Богъ", бросались въ пламя уже вопреки приказаніямъ начальства и отрывали отъ стѣнъ святыя иконы. Нельзя при этомъ умолчать о замѣчательномъ подвигѣ рядоваго 10-го флотскаго экипажа Нестора Троянова и столяра гофъ-интендантскаго вѣдомства Абрама Дороѳѣева, которые, послѣ спасенія ихъ товарищами прочей утвари большой церкви, примѣтивъ, на самой вершинѣ загорѣвшагося ужъ иконостаса, значительнаго размѣра образъ Спасителя, не послушались настоятельнаго запрещенія даже подходить туда и, безъ инструментовъ, съ одною лишь неболь-

шою лѣстницею, покусились спасти и этотъ образъ. Лѣстница не доставала до половины вышины иконостаса, но это ихъ не остановило. Цѣпляясь далѣе, съ сверхъестественною, можно сказать, отвагою, за карнизы и украшенія, они, наконецъ, добрались до своей цѣли: Трояновъ снялъ образъ и передалъ Дороѳѣеву, и оба, хотя обожженные, благополучно спустясь съ драгоцѣнною своею ношею, успѣли отнести ее въ безопасное мѣсто. Государь, свидѣтель ихъ подвига, обласкавъ обоихъ, велѣлъ выдать каждому по 300 рублей и Троянова, сверхъ того, перевести въ гвардію.

Между тѣмъ пожаръ продолжалъ свирѣпствовать съ возраставшею силою, и никакія человѣческія средства уже не могли его не только прекратить, но и остановить. Весь дворецъ съ одного конца до другаго представлялъ пылающее море огня, огромный костеръ, увлекавшій все въ своемъ постепенномъ паденіи. Убѣдясь, что всякое дальнѣйшее противодѣйствіе только угрожаетъ опасностію людямъ, Государь настоятельно приказалъ имъ отступить, и воля его была исполнена съ благодарностію къ Промыслу

за то, что удалось по крайней мѣрѣ охранить отъ утраты и поврежденія царское имущество. Тутъ-же, по повелѣнію Государя, были повѣрены команды и, къ живой его радости, оказалось, что всѣ люди въ нихъ на лицо и невредимы. Оставалось одно: отстоять еще нетронутый огнемъ эрмитажъ съ его вѣковыми сокровищами. Государь, перейдя туда, поручилъ Великому Князю Михаилу Павловичу распорядиться о закладкѣ кирпичемъ всѣхъ дверей и близь лежащихъ оконъ какъ въ главномъ зданіи, такъ и въ обоихъ павильонахъ. Повелѣніе это было исполнено съ неимовѣрною скоростію и — эрмитажъ былъ спасенъ!

Императрица, извѣщенная о всемъ случившемся и, вмѣстѣ, о вывозѣ младшихъ ея дѣтей, уже подъ конецъ спектакля, поспѣшила, не смотря на предвареніе Государя, сама пріѣхать въ зимній дворецъ. Тутъ начались для ея чувства новыя тревоги. Не погибъ-ли кто изъ народа? Гдѣ моя Софья Павловна (фрейлина графиня Голенищева-Кутузова, въ то время опасно больная)? спрашивала она въ томительномъ безпокойствѣ. Отвѣтъ Государя, что всѣ спасены, не удо-

влетворилъ ея. Она сама пошла въ помѣщеніе Кутузовой и, осыпавъ больную материнскими ласками, не покидала ея комнатъ, пока ее не вывезли изъ дворца. Только тогда уже, объѣхавъ вокругъ пылающихъ своихъ чертоговъ, съ молитвою ко Всевышнему, она отправилась въ Аничкинъ дворецъ (4) обнять и благословить своихъ дѣтей.

Но въ минуту сильнѣйшаго развитія пожара во дворцѣ, тоже самое несчастіе поразило еще и другую мѣстность столицы. Въ отдаленнѣйшей ея части, обитаемой преимущественно бѣднѣйшимъ классомъ, именно въ Галерномъ селеніи, вспыхнулъ другой пожаръ. Государь тотчасъ велѣлъ отдѣлить туда часть пожарной команды, а Наслѣдникъ Цесаревичъ самъ поспѣшилъ къ мѣсту новаго бѣдствія. На пути у него сломался экипажъ, но истинное чувство находчиво. За коля-

(4) Извѣстно, что, прежде отправленія въ Аничкинъ дворецъ, императрица провела нѣсколько времени у супруги управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графа Нессельрода, изъ комнатъ которой, на другой сторонѣ площади, виденъ былъ весь горящій дворецъ

скою слѣдовалъ конвойный ѣздовой, и Цесаревичъ пересѣлъ на его лошадь. Пожаръ, вслѣдствіе энергическихъ его распоряженій, былъ вскорѣ потушенъ, а бѣднымъ погорѣльцамъ, какъ разсказывали свидѣтели, при утѣшеніяхъ и ласкахъ молодаго первенца царскаго, „и горе не въ горе показалось.“

Государь и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, проведя всю ночь, не смотря на жестокій морозъ, въ безпрерывной дѣятельности, оставили пожарище уже только въ 11 часовъ слѣдующаго утра.

Развалины дворца продолжали горѣть цѣлые трое сутокъ. . . . . .

V.

Извлеченіе изъ современнымъ замѣтокъ лейбъ-гвардіи коннаго полка корнета барона Э. И. Мирбаха (впослѣдствіи флигель-адъютанта и генерала свиты его величества, а нынѣ тайнаго совѣтника и шталмейстера Высочайшаго двора.)

17-го Декабря, послѣ бывшаго въ присутствіи Государя развода, за который мы удостоились его одобренія, мнѣ слѣдовало вступить во внутренній дворцовый

караулъ, стоявшій въ Фельдмаршальской залѣ. Съ полузамерзшими отъ 12-ти градуснаго мороза руками, которыми приходилось держать ножны палаша, чтобы не упасть въ глубокій, превратившійся въ песокъ снѣгъ Невскаго Проспекта, я къ двумъ часамъ добрался съ своею командою до дворца, котораго главныя залы были въ то время наполнены рекрутами и солдатами, приведенными изъ арміи для выбора въ гвардію. При осмотрѣ и распредѣленіи ихъ генералами и пріѣхавшимъ потомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, мнѣ приказано было стоять ружье у ноги, и только уже послѣ выхода всѣхъ этихъ отрядовъ изъ дворца, я улучилъ минуту спуститься, по темнымъ и грязнымъ корридорамъ, на главную гауптвахту, чтобы новую форму, въ которой являлся на разводъ, перемѣнить на № 2-й. Между тѣмъ было уже 4 часа. Умирая съ голоду, я, поднявшись опять къ караулу, съ жадностію бросился на принесенный съ дворцовой кухни обѣдъ. За нимъ послѣдовали обыкновенныя наши кирасирскія му́ки: туго натянутые лосинные панталоны, огромные ботфорты, мундиръ въ обтяжку, застегнутый подъ под-

бородокъ воротникъ (5) — все это причиняло безпрестанные судороги въ икрахъ, боли въ бокахъ и приливы крови въ голову, такъ что не зналъ, бывало, куда дѣваться. Наконецъ мнѣ удалось усѣсться въ большія кресла съ книгою въ рукахъ и кое-какъ дать себѣ отдыхъ. Тутъ, около 8-ми часовъ, началась мимо меня какая-то учащенная бѣготня. Хотя Фельдмаршальская зала находилась на проходѣ между корридоромъ князя Волконскаго и главными апартаментами, но все таки въ этой бѣготнѣ мнѣ показалось что-то необыкновенное. Вдругъ около лампы, висѣвшей на ножкѣ, сталъ образовываться голубоватый дымъ, колыхавшійся отъ сквознаго вѣтра вслѣдствіе непрерывной ходьбы людей. Я всталъ съ креселъ, чтобы спросить, что это такое? „Дастъ Богъ ничего, отвѣчалъ мнѣ старый лакей: дымъ внизу въ лабораторіи, гдѣ ужъ два дни какъ лопнула труба; засунули мочалку и замазали глиною; да какой это порядокъ! Бревно возлѣ трубы

(5) Извѣстно, что для обыкновенныхъ карауловъ, даже и во дворцѣ, вся эта форма въ нынѣшнее царствованіе отмѣнена.

уже разъ загоралось, потушили и опять замазали; замазка отвалилась, бревно все тлѣло, а теперь, помилуй Богъ, говорятъ ужъ и горитъ. Домъ старой, сухой, сохрани Боже!“

Я перешелъ, со свѣчею въ рукѣ, на другую оконечность залы, гдѣ люди особенно суетились. Здѣсь, на узкомъ пространствѣ между зеркальною дверью въ корридоръ Волконскаго и портретомъ князя Варшавскаго, вилась къ верху тонкая струя дыма, съ сильнымъ запахомъ гари. Дежурный камеръ-лакей привелъ двухъ солдатъ гофъ-интендантской команды съ ломами, чтобы вскрыть паркетъ передъ зеркальною дверью. Отъ нѣсколькихъ ударовъ старый полъ разлетѣлся въ щепы, и вмѣстѣ съ тѣмъ огромная дверь, выскочивъ изъ своей рамы, упала въ ту сторону, гдѣ стояли люди, которые разсыпались съ крикомъ „огонь“. Желая успокоить работавшихъ, я старался увѣрить ихъ, что нѣтъ никакого огня, и что это только простое отраженіе моей свѣчи въ зеркалѣ. Однако изъ всѣхъ скважинъ открывшейся за паденіемъ двери стѣны, уже совсѣмъ почернѣвшей, прорывался если еще не огонь, то чер-

ный густой дымъ, который въ нѣсколько мгновеній разостлался и по цѣлой залѣ, препятствуя дыханію. При всемъ страхѣ, чтобы намъ не задохнуться, мнѣ однако, разумѣется, не приходило и на мысль позволить кому либо изъ солдатъ покинуть постъ. Я собралъ только ближайшихъ къ караулу часовыхъ, сталъ дружески уговаривать всѣхъ покориться нашей судьбѣ, которой и я не избѣгну вмѣстѣ съ ними, велѣлъ присѣсть на корточки, такъ какъ внизу дымъ былъ менѣе удушливъ, и затворить двери въ Петровскую и въ малую аванъ-залу.

Между тѣмъ, лишь только показался дымъ, я послалъ дать знать о томъ коменданту Мартынову, и теперь, въ минуту самую критическую, когда въ залѣ стояла такая мгла, что сквозь нее не видно было даже уже лампы, и люди, одною рукою отмахиваясь отъ дыма, другою зажимали себѣ ротъ, ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній. Наконецъ Мартыновъ пріѣхалъ изъ театра, гдѣ былъ при царской фамиліи, и при входѣ въ залу, не видя ничего сквозь дымъ, закричалъ: „что, караулъ еще тутъ?“ по утвердительному же моему отвѣту велѣлъ тотчасъ его вы-

вести. Я скомандовалъ, кашляя какъ и весь караулъ: „на право, скорымъ шагомъ, маршъ", и поставя людей въ ближайшей комнатѣ, малой аванъ-залѣ, отбилъ огни ([6]). Всѣ перекрестились. Едва мы выстроились, какъ пробѣжалъ мимо насъ молодой красавецъ, лакей Мейеръ, который меня зналъ, видя часто въ караулахъ. „Ахъ, баронъ, проговорилъ онъ на бѣгу: вамъ бы убраться съ вашей командой, тутъ скоро потолокъ провалится; наверху страсть какой огонь!" Нѣсколько минутъ спустя, около 9-ти часовъ, я заслышалъ изъ большой аванъ-залы мѣрную поступь Государя и звонкой его голосъ, такъ врѣзывавшійся въ память. Съ нимъ шли Великій Князь Михаилъ Павловичъ и Наслѣдникъ: всѣ въ надѣтыхъ по формѣ шляпахъ и съ биноклями въ рукахъ, какъ пріѣхали изъ театра. Я скомандовалъ: „смирно, на плечо, глаза на лѣво". „Что, голубчикъ — спросилъ Государь — разскажи-ка какъ это было?" Я въ короткихъ словахъ передалъ все случившееся. Онъ подошелъ къ дверямъ

([6]) Тогдашнее техническое выраженіе для отсчитыванія рядовъ.

Фельдмаршальской залы и, при хлынувшемъ оттуда густомъ дымѣ, закричалъ: „разбить окна". Въ ту же минуту послышался звукъ падающихъ стеколъ, и пахнувшій со двора свѣжій воздухъ привелъ дымъ въ движеніе. Я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего караула, зрителемъ происходившаго. Вѣтеръ со двора произвелъ сильный сквозникъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была зеркальная дверь, неожиданно сверкнулъ огромный огненный змѣй, въ одну минуту, точно молнія, освѣтившій всю залу. Этотъ змѣй вспыхивалъ въ нѣсколько пріемовъ, каждый разъ съ бо́льшею силою, и наконецъ захватилъ одну изъ восьми позолоченныхъ люстръ, которая, покачиваясь подъ сквознымъ вѣтромъ, сгорѣла медленнымъ огнемъ. Два маленькіе инвалида гофъ - интендантской команды вздумали было направить въ эту несчастную люстру тоненькую въ какихъ нибудь полпальца толщины струю воды изъ ручной трубы; но и та, за сквозникомъ, проскользала все мимо своей цѣли. Лежавшая около того же мѣста на поручнѣ облегавшихъ залу хоръ трехугольная шляпа инвалиднаго

офицера, съ коротенькимъ чернымъ султаномъ, подверглась, вслѣдъ за сгорѣвшею люстрою, одинаковой съ нею участи. Пламя, уже успѣвшее усилиться, вилось по карнизамъ и наконецъ, прорвавшись дверями въ смежную Петровскую залу, разомъ уничтожило въ ней бархатныя, усыпанныя золочеными орлами, обои. Здѣсь дворцовые гренадеры, спасавшіе движимость, хлопотали около вдѣланнаго въ стѣну серебрянаго канделабра, какъ вдругъ одного изъ нихъ почти совсѣмъ засыпало отвалившеюся частію потолка; на другаго упала сверху балка, и оба едва спаслись отъ смерти. Крохотные мои два инвалида перебрались и сюда съ своею ручною трубою и старались залить обои: предпріятіе тѣмъ болѣе нелѣпое, что уже вся зала была охвачена огнемъ.

Видя возрастающую такимъ образомъ опасность и слѣдуя приказанію Государя „держаться по возможности", я перевелъ караулъ въ Арапскую комнату и отсюда былъ свидѣтелемъ той необыкновенной распорядительности, съ которою, въ большой аванъ-залѣ, генералъ-адьютантъ Клейнмихель, во главѣ

лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, усиливался заградить путь огню выведеніемъ кирпичной стѣны. Солдаты съ примѣрнымъ усердіемъ таскали снизу кирпичи, каждый по три и по четыре, и стѣна скоро была готова въ видѣ брантмауера, доходившаго до самаго потолка. Но надежда спасти дворецъ этою преградою и возведенными, на подобіе ей, въ трехъ другихъ еще мѣстахъ, не удалась: огонь неудержно шелъ впередъ по чердакамъ, плафонамъ и оконнымъ рамамъ. Государь велѣлъ мнѣ убрать изъ Арапской, которой пожаръ въ то время еще не коснулся, стоявшіе тамъ штандарты и литавры полковъ кавалергардскаго и конногвардейскаго. „Ты — прибавилъ онъ – останешься тутъ съ ними и съ твоимъ карауломъ, пока можно будетъ, а потомъ спустишься въ корридоръ". Здѣсь онъ при мнѣ разсказалъ, какъ былъ удивленъ, когда, подойдя въ спальной Императрицы къ ея кровати, съ намѣреніемъ спасти брильянты, обыкновенно ею употребляемые, нашелъ ящикъ открытымъ и — пустымъ. По выраженію его лица видно было, сколько это обстоятельство его огорчило, но онъ не высказалъ ни однимъ сло-

вомъ неудовольствія (7) Въ нижнемъ коррид орѣ, куда бушующая стихія скоро меня прогнала, я былъ встрѣченъ исправлявшимъ должность полковаго адъютанта нашей конногвардіи Опочининымъ, который, принявъ отъ меня спасенные изъ Арапской штандарты и литавры, отвезъ ихъ, подъ прикрытіемъ конногвардейскаго взвода, вмѣстѣ съ прочими, находившимися въ зимнемъ дворцѣ знаменами, въ Аничкинъ. Государь, придя тоже въ этотъ корридоръ, остановился въ дверяхъ, которыя вели на большой дворцовый дворъ. Насупротивъ, въ эту минуту, начала обрушиваться Бѣлая зала, и видно было, какъ пламя охватывало снуры занавѣсокъ, которыя падали внизъ и исчезали въ огненномъ морѣ. Всѣ части дворца, обращенныя во дворъ, пылали. „Больно — сказалъ Государь — видѣть разрушеніе отцовскаго дома; но съ помощью

---

(7) Уже впослѣдствіи открылось, что брильянты были вынуты довѣренною камеръ-фрау Императрицы, г-жею Рорбекъ, которая, найдя ящикъ слишкомъ тяжелымъ, предпочла оставить его въ жертву пламени, ограничась однимъ спасеніемъ хранившихся въ немъ драгоцѣнностей.

Божіею мы въ годъ снова его поднимемъ". Дежурный по карауламъ, лейбъгвардіи Финляндскаго полка полковникъ Крыловъ велѣлъ моимъ людямъ надѣть тулупы и кеньги, съ чѣмъ вмѣстѣ и я надѣлъ шинель. Государь приказалъ мнѣ поставить въ коррндорѣ двухъ часовыхъ, для охраненія утвари, вынесенной изъ придворной церкви и сваленной въ безпорядочныя кучи на полу. Другіе часовые были разставлены снаружи у Салтыковскаго подъѣзда и на пространствѣ между нимъ и каминомъ для грѣнія кучеровъ, куда складывались вещи, выносимыя изъ комнатъ Императрицы. Картины первѣйшихъ мастеровъ, малахитовыя коробки, стѣнные и столовые часы, маленькіе бронзовые стулья и множество другихъ, самыхъ разнородныхъ цѣнныхъ предметовъ лежало тутъ, какъ ни попало, на снѣгу. Часы съ музыкою, приведенные въ ходъ своимъ паденіемъ, заиграли вдругъ прелестную арію, въ ироническую противоположность съ окружавшею сценою. Надо было за всѣмъ приглядѣть. Суетня происходила страшная: люди, выносившіе вещи, были Богъ знаетъ кто и, стоя на самомъ проходѣ, я

крайне боялся, чтобъ чего либо не украли. За часъ передъ тѣмъ въ моихъ глазахъ похитили изъ пѣхотной караульни массивный серебряный кофейникъ. Гвардейскій солдатъ, знакомый съ мѣстностію, опрокинулъ приставленнаго сторожа и бросился съ кофейникомъ на обнятый огнемъ дворъ, чтобы прорваться въ большія ворота ([8]). Одна мѣра наконецъ нѣсколько успокоила меня касательно воровства. Для сохраненія, среди огромныхъ массъ сбѣжавшагося народа, возможнаго порядка, отъ гвардейскихъ полковъ протянули, во всѣхъ направленіяхъ во-

---

([8]) Нѣсколько дней спустя узнали, что никто въ городѣ не захотѣлъ купить кофейника съ Императорскимъ гербомъ и что воръ былъ схваченъ. Къ этой замѣткѣ барона Мирбаха графъ В. Ѳ. Адлербергъ добавилъ намъ слѣдующее: „Изъ множества вещей, вынесенныхъ изъ дворца и лежавшихъ на площадяхъ болѣе сутокъ, кромѣ этого кофейника, ничего не было ни похищено, ни потеряно: одна только незначительная золотая вещица (не помню браслетъ ли, или что другое), принадлежавшая Императрицѣ и сначала неотыскавшаяся, потомъ, съ наступленіемъ весны, также была найдена въ оттаявшемъ снѣгу и ей представлена“.

кругъ дворца, густыя цѣпи, черезъ которыя не пропускали никого ни взадъ, ни впередъ.

Между тѣмъ изъ дворца, при помощи созванной гвардіи, дѣятельно продолжали выносить вещи. Вся площадь главнаго штаба была загромождена диванами, столами, стульями. Портреты генеральской галлереи 1812-го года, тоже спасенные, бережно сложили у подножія Александровской колонны. Паденіе телеграфной каланчи надъ Государевымъ кабинетомъ было особенно поразительно: она провалилась во внутрь дворца съ такимъ грохотомъ, какъ будто разрушался цѣлый домъ. Горько тоже было видѣть много драгоцѣнныхъ вещей испорченными или перебитыми, что̀ было неизбѣжно при быстротѣ выноски; такъ напримѣръ у безподобной статуи Кановы — Парки, прядущей золотую нить, отломлена была рука...... Нѣсколько минутъ спустя послѣ паденія телеграфа, я замѣтилъ Государя, осторожно пробиравшагося, съ приподнятыми полами шинели, между раскиданными на снѣгу передъ дворцомъ мелочами. „Не знаешь-ли — спросилъ онъ у меня — гдѣ Императрицыны картины?“

Я указалъ на три разныя мѣста, гдѣ онѣ были положены. „Пойдемъ-же со мною, дружокъ, поискать любимую картинку жены (Доминикина)". И вотъ, при свѣтѣ пожара, мы отправились вдвоемъ приподнимать одну картину за другою: искомая нашлась во второй кучѣ. „Прошу-же тебя — сказалъ Государь — велѣть отнести эту картинку въ Адмиралтейство и тамъ сдать на особое попеченіе Блоку(9)". Эта высокая черта супружеской заботливости въ такую грозную минуту глубоко меня тронула! Съ помощію двухъ изъ моихъ кирасировъ я самъ отнесъ картину въ Адмиралтейство и лично сдалъ ее на руки Блоку. При возвращеніи ко дворцу, мнѣ попалъ на встрѣчу выходившій оттуда оберъ-полиціймейстеръ Кокошкинъ, весь почернѣлый и оборванный: онъ провалился сквозь обрушившійся подъ нимъ полъ, и его съ трудомъ высвободили изъ развалинъ.

Можно было бы наполнить цѣлую книгу описаніемъ многообразныхъ сценъ и впечатлѣній этой ночи! Въ одной

---

(9) Блокъ завѣдывалъ въ то время собс нымъ (Аничкинымъ) дворцомъ.

изъ залъ покойной императрицы Маріи Өеодоровны, Государь нашелъ цѣлую толпу гвардейскихъ егерей, силившихся оторвать вдѣланное въ стѣну огромное зеркало, между тѣмъ какъ вокругъ все пылало. При видѣ явной опасности, онъ нѣсколько разъ приказывалъ бросить эту работу; но усердіе храбрецовъ и желаніе ихъ быть полезными брало верхъ надъ повиновеніемъ; тогда Государь кончилъ тѣмъ, что бросилъ въ зеркало свой бинокль, отъ котораго оно разлетѣлось въ дребезги. „Вы видите, ребята — сказалъ онъ — что ваша жизнь для меня дороже зеркала, и прошу сей часъ же расходиться". Такія черты его рыц[illegible]го характера повторялись, въ эту злосчастную ночь, на каждомъ шагу......

Я пробылъ на мѣстѣ до 9-го часа утра, когда уже не оставалось болѣе ничего ни спасать, ни оберегать, и все, чего не успѣли вынести, сдѣлалось добычею пламени. Затворивъ за собою двери на Салтыковскомъ подъѣздѣ, какъ будто [illegible] нужно еще было что нибудь хранить, [illegible] съ карауломъ перешли къ Адмиралтейству, гдѣ, встрѣтивъ въ сѣняхъ ко-

мендaнта Мартынова, я попросилъ позволенія обогрѣться моимъ людямъ, пробывшимъ столько часовъ на морозѣ и совсѣмъ оцѣпенѣвшимъ. „Нѣтъ, нельзя, стойте тутъ“, закричалъ нашъ, въ сущности истинно-добрый и благородный, но крайне суровый комендантъ. „Да что же намъ, ваше превосходительство, тутъ дѣлать, когда ужъ больше некого и нечего стеречь?“ — „Впрочемъ, и то правда: ступайте домой“. Мы не пошли, а по-бѣжали въ казармы, и легко вооб[illegible]ить себѣ, съ какимъ наслажденіе[illegible] послѣ всего утомленія и всѣхъ похожден[illegible] грозной ночи, бросился на кровать ......

Изъ Русскаго Архива № 9.
Дозволено цензурой. Москва, 2 августа 1865 г.
Типографія Грачева и К°.

